

УДК 81'42

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Поветьева Е.В.

СФ ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»,
Самара, e-mail: fabulous15@mail.ru

В данной статье рассматриваются проблемы теорий интертекстуальности в работах начала XX века и в современных исследованиях; проводится ретроспективный анализ выявления в феномене интертекстуальности предмета и объекта, установления функций интертекстуальных включений и их видов.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, гипотекст, гипертекст, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитекстуальность, текстуальная интеракция, пермутация текстов

THEORY OF INTERTEXTUALITY: PROBLEMS IN CONTEMPORARY LINGUISTIC

Povetyeva E.V.

Samara Branch of Moscow City Pedagogical University, Самара, e-mail: fabulous15@mail.ru

This article dwells upon the basic theories of intertextuality in contemporary linguistic studies and in the researches made in 20th century. Retrospective analyses of destructing a subject and an object of intertextual theory is being made, as well as summarizing its functions and types.

Keywords: intertextuality, precedent phenomena, hypotext, hypertext, metatextuality, hypertextuality, architextuality, textual interaction, permutation of texts

Существуют различные взгляды на предмет интертекстуальности, её функции и сущность. В нашей работе мы рассмотрим работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта, М. Риффатера, И.Р. Гальперина, З.Я. Тураевой, Т.М. Николаевой, О.Б. Воробьевой, В.И. Карасика, Л. Женни, М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана.

В исследованиях указанных авторов существуют положения, являющиеся сходными. Основными из них, представляющими ценность для нашей работы и составляющими её теоретическую основу будут являться следующие положения:

1. Художественный текст является феноменом мировой культуры, обладающим многомерными связями с другими явлениями культуры, а особенно – с другими художественными текстами (Ю.М. Лотман, Р. Барт, Ю. Кристева, М.М. Бахтин).

2. Художественный текст является многомерным комплексным образованием и относится одновременно как к языку, так и к речи (зависит от подхода к его рассмотрению); наиболее существенные признаки текста, определяющие специфику этого объекта лингвистического изучения, являются категориями текста; категории текста неоднородны (И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева, Т.М. Николаева О.Б. Воробьева, В.И. Карасик).

Однако тип указанных связей и характеристики неоднородности текста рассматриваются исследователями по-разному.

Термин «интертекстуальность» был введен французским филологом-постструктуралистом, знаменитой ученицей известного филолога и философа Ролана Барта,

Юлией Кристевой в середине шестидесятых годов XX века и стал затем, как пишет И.П. Ильин, одним из основных принципов постмодернистской критики [5].

Юлия Кристева рассматривала интертекстуальность прежде всего как динамику текстов.

«Мы назовем интертекстуальностью текстуальную интеракцию, которая происходит внутри каждого отдельного художественного текста. Для любого познающего субъекта феномен интертекстуальности – это признак того отдельного способа, каким каждый текст прочитывает историю и соответственно вписывается в нее» [6]. В работе «Семиотика» в конце шестидесятых, давая определение понятию термину «интертекстуальность», Юлия Кристева резко отличает ее от интертекста-объекта, который поддается опознанию и выделению.

Для Юлии Кристевой интертекстуальность – «пермутация текстов»: она свидетельствует именно о том, что «в пространстве каждого художественного текста несколькоопределённых высказываний, взятых из других художественных текстов, взаимно пересекаются и зачастую нейтрализуют друг друга» [11]. Текст является некой комбинаторикой, местом постоянного многоуровневого взаимодействия между обширным множеством фрагментов, которые вновь и вновь подвергает перераспределению письменная речь; новый текст художественного произведения как правило создается из множества предшествующих текстов – разрушаемых, отрицаемых и возрождаемых. Именно поэтому полностью

исключается вопрос о распознавании интертекста. Для Кристевой интертекст не является устройством, с помощью которого любой новый текст воспроизводит предшествующий текст. Напротив, интертекстуальность – это бесконечный процесс, следовательно, текстовая динамика.

В своей более поздней работе, написанной в 1974 году под заголовком «Революции поэтического языка» Кристева развивает идею, что интертекстуальность – это не исключительно лишь подражание или определённое воспроизведение. Напротив, это «транспозиция»: предлагая принципиально новое определение данного понятия, она пишет: «интертекстуальность – это транспозиция одной или нескольких знаковых систем в другую знаковую систему» [7]. Динамику феномена интертекстуальности Юлия Кристева противопоставляет «интертексту-объекту». По аналогии к тому, как принципиальная «незавершенность» любого художественного текста, с его обязательно присутствующей некоторой неопределённостью и многосмысленностью, противостоит произведению завершённому, смысл которого как правило устойчив и твёрд.

Ролан Барт развивает и дополняет идеи Кристевой в 70-х годах XX века. В своей программной статье от 1973 г., он рассматривает упомянутые ранее понятия, предлагает его ученицей Юлией Кристевой, в пределах общей теории художественного текста. Основную позицию в указанной теории занимает феномен «продуктивность», тесно связанный с понятием «интертекстуальность»: текст есть продуктивность.

Барт выделяет два вида взаимодействия: текстом – читатель и текстом – письмо и язык. Аналогично тому, как текст подвергает взаимозамене и комбинированию высказывания, осознанно или неосознанно заимствованные из текстов предшествующих, в языке он функционирует в рамках «редистрибуции».

Следовательно, художественный текст, в соответствии с термином Юлии Кристевой является интертекстом. Свойством интертекстуальности как таковой он владеет не только потому, что в нем есть элементы заимствования, деформации или подражания, а потому, что любое письмо, производящее художественный текст, действует с помощью принципа редистрибуции, деконструкции и диссеминации многих предшествующих художественных текстов. Следовательно, предлагая обобщенную теорию художественного текста, Ролан Барт заключает: «Абсолютно каждый художественный текст – это интертекст. Он является

таким на нескольких различных уровнях. Степень опознаваемости в нём может быть различной. Однако, мы будем иметь возможность вычленив из него элементы, заимствованные из текстов современников и предшественников, из истории культуры; любой текст – это своего рода ткань, состоящая из ряда цитат. В результате, в текст попадают и уже внутри него перераспределяются фрагменты всевозможных культурных кодов, всевозможные запоминающиеся выражения, фрагменты социальных языков, ритмические моделии т.п. Интертекст является размытым полем анонимных «формул», происхождение которых удается установить не всегда. Это обширное поле автоматических цитат, в оформлении которых не используется кавычек» [2].

Лоран Женни подводит итог идеям, разработанным Бартом и Кристевой и переносит их в плоскость интертекста: «Интертекст говорит на языке, активный словарь которого образуется за счёт всей совокупности существующих в мировой культуре художественных текстов» [12].

Подводя итог мы приходим к выводу: интертекстуальность не может рассматриваться ни как подражание, ни как определённая «филиация». Можно утверждать, что суть интертекста не столько во заимствованиях (используемые цитаты любого вида всегда раскавыченны), сколько, о бессознательных и трудно опознаваемых следах. Если определить интертекстуальность именно таким образом, то она не требует подражания каким-либо произведениям прошлого, ни к ряду межтекстовых отсылок. Однако, интертекстуальность предполагает наличие принципиальной «подвижности» процесса письма, которое выступает в качестве транспонирующего инструмента, работающего с предшествующими или современными высказываниями.

Подводя итог выводам, к которым пришла Юлия Кристева и которые были разработаны и дополнены Бартом и Женни, мы можем вывести следующее заключение: интертекстуальность это сугубо экстенсивное понятие, включающее в себя не только аллюзию, пародию и стилизацию, но и любые существующие формы реминисценций, перезаписи, так же как и все способы информационного обмена, которые могут существовать между определённым художественным текстом и современной ему языковой целокупностью. Если литература по самой сути своей интертекстуальна, то функционирует этот процесс не столько потому, что любое письмо «вслушивается» во всю предшествующую совокупность текстов, но и потому, что оно существует на

тех же правах, что и вся масса окружающих его дискурсов. Интертекстуальность – это динамика текста, его пермутация и интеракция. Текст является продуктивным, создаёт свой язык.

Жерар Женетт в ином ключе определяет интертекстуальность в книге «Палимпсесты». Для него интертекстуальность не является первоэлементом мировой литературы. Интертекстуальность это только один из типов текстовой взаимозависимости, существующих в ней. Интертекстуальность составляет основу художественной ткани, которая определяет всю специфику мировой литературы. Согласно теории Женетта, основой литературности (определяемой Р. Якобсоном как «то, что делает данное произведение литературным произведением» [10]) является «совокупность некоторых обобщенных или трансцендентальных классов, типов дискурса, способов литературного высказывания, жанров художественной литературы, к которым может относиться любой частный художественный текст» [3]. Согласно теории Женетта, исследование этих трансцендентальных классов, к которым принадлежат конкретные художественные тексты, обозначает и суть самого предмета поэтики, каковым, подчеркивает автор во вступлении к своей работе «Палимпсесты», является не «текст в своем неповторимом своеобразии, а некая «транstekстуальность»», а именно «все, что включает данный текст в явные или неявные отношения с другими текстами» [3].

Далее в исследовании термином «транstekстуальность» Женеттом обозначается свойство текстовой «трансцендентальность». Другими словами, это есть обобщающий класс, к которому относится все, что стоит над данным конкретным текстом. Это то, что включает его в систему художественной литературы в целом. Феномен транstekстуальности включает в себя пять типов отношений: самый общий характер носит «архитекстуальность». Она определяется конкретным отношением, которое рассматриваемый текст поддерживает с собственной родовой категорией. «Паратекстуальность» есть обозначение отношения текста к своему «паратексту» (это могут быть предисловия, послесловия и мн. др.). «Метатекстуальность» есть отношение комментирования. По словам самого Женетта, это есть некое отношение, связывающее текст с другим художественным текстом, о котором, в свою очередь, говорит первый рассматриваемый художественный текст. Однако, цитируя автора, при этом, не обязательно цитируется или упоминается предыдущий текст. Он вовсе не обязательно даже

называется по заглавию. По самой своей сути, обращает наше внимание Женетт, это есть связь сугубо критического вида» [3]. В начале своей книги, отделяясь от Юлии Кристевой, Женетт формулирует следующее определение феномена интертекстуальности: «Я определяю интертекстуальность, пусть и несколько ограничительно, через отношение некоего соприсутствия, которое существует между двумя или несколькими художественными текстами. Далее, говоря эйдетически, мы будем утверждать, что интертекстуальность это как правило непосредственное присутствие одного художественного текста в другом. Соответственно, в наиболее эксплицитной и буквальной форме это традиционная практика цитирования (отмеченная кавычками, с точным указанием или без указания источника); в менее явной и менее канонической форме это плагиат. Другими словами, это зачастую неявное, но вполне дословное заимствование в литературе. А так же, в еще менее эксплицитной (и в менее буквальной форме) это будет являться аллюзией. Следует отметить, что для того, чтобы полностью и до конца понять смысл любого аллюзивного высказывания в художественном тексте, следует уяснить его отношение другим высказыванием. Однако, только с таким высказыванием, к которому с определённой интенцией отсылает читателя та или иная текстовая модификация. Немаловажно, что в противном случае высказывание считается бесполезным и неприемлемым» [3].

Следовательно, интертекстуальность можно назвать одним из видов транstekстовых отношений. Более того, становясь объектом ограничительного подхода, интертекстуальность не включает в себя скрытые формы какой-либо «перезаписи»: ни сложноопределяемые реминисценции, ни отношения литературной производности, которые могут возникать между несколькими художественными текстами. Упомянутые отношения принадлежат к пятому типу транstekстуальности, который Женетт выделяет «Палимпсестах», – к отношениям «гипертекстуальности». Гипертекстуальность есть всякое отношение, которое связывает текст 2 (рассматриваемый конкретный текст произведения – «гипертекст») с текстом 1 (предшествующий ему текст, из которого делались заимствования – «гипотекст»), производным от которого он становится. Гипертекстуальность предполагает не отношение так называемой включенности, а отношение «прививания». В своем исследовании Женетт предлагает классифицировать различные гипертекстовые феномены в соответствии с двумя

выделенными им критериями: характером связи, которой могут быть, например, имитация/трансформация гипотекста, а так же с ее модальностью (которая может выступать в игровом, сатирическом, поясняющем характере).

Указанная классификация транстекстовых взаимоотношений позволяет нам заключить, что целесообразно будет выделить два различных класса интертекстуальности. Во-первых, пародия и стилизация логически относятся к феномену гипертекстуальности, а следовательно, отличаются от цитаты, плагиата или аллюзии, которые должны быть отнесены к сфере межтекстовых отношений.

Тем не менее, Женетт обращает внимание читателей на незамкнутость упомянутых классов. Наоборот, они взаимопроницаемы: метатекст зачастую включает в себя цитаты (в данном случае метатекстуальность и интертекстуальность выступают в отношении «интерференция»), а пародия часто прибегает к «монтажированию» цитат (здесь гипертекстуальность и интертекстуальность связаны друг с другом).

Женетт называет сопричастием следующие включения:

– аллюзию (намек на общеизвестный литературный или исторический факт. Распространенной разновидностью аллюзии является намек на современные общественно-политические реалии в произведениях об историческом прошлом. Аллюзия на литературные произведения называется реминисценцией) [9];

– цитату (фрагмент текста, нарушающий линейное развитие последнего и получающий мотивировку, интегрирующую его в текст, вне данного текста) [9];

– референцию (отнесённость актуализованных (включённых в речь) имён, именных групп или их эквивалентов к объектам внеязыковой действительности (референтам, денотатам)) [1];

– плагиат (посягательство на литературную собственность, акт, расценивающийся как мошенничество, ибо оно не только ставит под сомнение честность плагиатора, но и нарушает правила объективной циркуляции текстов) [8].

Согласно теории Женнета два текста могут находиться между собой в отношении деривации; двумя основными типами последней являются пародия и стилизация. В основе первой лежит трансформация, в основе второй – имитация «гипотекста» [3]. Женетт называет деривацией следующие включения:

– пародию (вторичная разработка структуры исходного текста в игровых целях) [4];

– бурлескное травести (сюжет исходного произведения остается тем же, но его дословный текст претерпевает значительные изменения; предполагается, что в памяти читателя сохраняются факты и события, темы и персонажи исходного произведения) [8];

– стилизацию (подражание, при котором исходный текст не подвергается искажению, имитируется лишь его стиль, поэтому при подобного рода подражании выбор предмета не играет роли) [8].

Майкл Риффатер выдвигал в своих работах положения, перекликающиеся с идеями Женнета. Устанавливая, что интертекст, во-первых, становится результатом процесса чтения, Риффатер предполагает, что автор предоставляет полную свободу читателю: читатель не столько начинает обладать правом опознавания и идентификации интертекста, сколько начинает использовать собственные осведомленность и память, которые станут уникальными критериями, разрешающими опознать наличие интертекстуальности.

Интертекстовым, следовательно, оказывается каждый угадываемый читателем код: эксплицитная объективная цитация или субъективная реминисценция. «Интертекст не попадает в границы круа чтения автора. Однако, подобная точка зрения подверглась резкой критике лингвистов. В частности, Натали Пьеге-Гро пишет: «...выделение интертекстуальности через категорию чтения может, наоборот, превратить этот процесс чтения в абсолютно подневольную процедуру, в ходе которой интертекст станет формой «террора»: такой интертекст – это уже не то, что я могу воспринимать свободно, а то, что я вынужден выискивать» [8].

Именно таким образом определяет интертекстуальность французский учёный-филолог Майкл Риффатер. Он пишет, что интертекстуальность это восприятие читателем взаимоотношений между конкретным произведением и предшествующими или последующими произведениями. Именно эти произведения составляют интертекстуальность первого произведения» [13]. Риффатер разграничивает интертекстуальность факультативную и необходимую. Последнюю читатель не может не обнаружить, так как интертекстуальный объект оставляет в художественном тексте неустрашимый и явный след, так называемую «формальную константу», которая будет играть для читателей роль императива и станет управлять расшифровкой конкретного сообщения/кода в его художественном аспекте» [13].

Следовательно, интертекст представляет собой своего рода «принуждение»,

и если читатель не распознаёт его, значит, он не в состоянии разглядеть и самой природы текста. По словам Пьеге-Гро, интертекст в теории Риффатера исторически эволюционирует и разрастается: память и кругозор читателей изменяются с ходом времени, а корпус референций, которые являются общими для конкретного поколения, становится совершенно другими по истечении пары десятилетий. Все происходит так, будто художественные тексты обречены на то, чтобы превращаться в нечитабельные объекты культуры. По меньшей мере, они утрачивают свой смысл в ходе того, как их интертекстуальность теряет внятность [8].

Подводя итог изученным теориям взгляда на феномен интертекстуальности, мы можем сделать следующий вывод:

1. По теории Юлии Кристевой, интертекст и интертекстуальность являются разграниченными понятиями. Интертекст легко выделяемый феномен, а интертекстуальность – нет. Интертекст – объективное явление, интертекстуальность – субъективное. Интертекстуальность есть пермутация текстов, их динамика, бесконечный процесс. Интертекстуальность – транспозиция одной знаковой структуры в другую. Интертекстуальность – неустойчивое, многосмысловое понятие, в то время как интертекст является устойчивым. Текст взаимопроникает в другой текст. Предметом интертекстуальности Кристева называет динамику взаимопроникающих текстов.

Интертекстуальность = Текст ↔ Текст.

2. По теории Ролана Барта, интертекстуальность является продуктивной динамикой. Существует два вида взаимодействий внутри этой динамики: текст и читатель, а так же текст и письмо и язык. Любой письменный текст, по Барту, проходит через систему редистрибуции. Следовательно, любой текст является интертекстом. Предметом интертекстуальности Барт называет отношение текста с читателем, письмом и языком.

Интертекстуальность =
= Текст ↔ Читатель;

Интертекстуальность =
= Текст ↔ Письмо и Язык.

3. По теории Лорана Женни, интертекстуальность есть единство множества текстов.

Интертекстуальность =
= Текст + Текст + Текст + ...;

4. По теории Майкла Риффатера, интертекстуальность есть восприятие читателем отношений между данным текстом и другими текстами, «чтение между строк».

Риффатер выделяет факультативную и обязательную интертекстуальность, подчёркивая тем самым, что автор пишет только для избранного круга читателей, способного связать текст с его предшественниками. Предметом интертекстуальности Риффатер называет связь текста с предшествующим и последующим текстами.

Интертекстуальность =
= Текст 1 ↔ Текст 2 ↔ Текст 3.

5. По теории Жерара Женетта, интертекстуальность это лишь один из типов транстекстуальных отношений. Транстекстуальность есть характеристика отношений между классами, через которые тексты проникают друг в друга. Отношения бывают следующих видов: архитектурность, паратекстуальность, метатекстуальность, интертекстуальность и гипертекстуальность. Интертекстуальность определяется Женеттом как существование одного текста (гипертекста) внутри другого (гипотекста). Предметом интертекстуальности Женетт называет отношение гипотекста (текста рассматриваемого произведения) к гипертексту (тексту-прародителю).

Теории Кристевой, Барта и Женни перекликаются и дополняют друг друга. Суммируя рассмотренные теории, мы можем вывести ссуммированное определение интертекстуальности. Итак, интертекстуальность – это продуктивность в динамике, бесконечная пермутация текстов; их взаимопроникновение и субъективное (через язык и письмо) рождение одного текста через бесконечное множество других.

Теорию Женетта, тем не менее, мы находим несколько неоднозначной. В его исследовании, сложности, обнаружившееся при определении интертекстуальности, связаны исключительно с проблематичностью самих рамок исследуемого понятия. Юлия Кристева определяет интертекстуальность широко (у неё это бесконечная динамика, взаимодействие текстов, субъективное их трактование). Женетт, напротив – достаточно узко (рассматривается отношение гипотекста к гипертексту). Кроме того, выявляется непрерывное балансирование между таким подходом к интертекстуальности, который, подчёркивая свойственные этому феномену динамичность и склонность к процессуальности, рискует в таком случае подвергнуть текстовый объект «растворению» в динамике продуктивности, а с другой – такой интерпретацией интертекста, при котором он является объективным феноменом; в этом случае возникает несоответствие между эксплицитным, недвусмысленно опознаваемым интертекстом,

и заведомым признанием имплицитного интертекста, выявляемого сложно. Следовательно, проблема объективной характеристики подобного частного интертекста, помимо прочего, вызывает вопрос о рамках самой интертекстуальности. Тем временем, понятие феномена интертекстуальности становится ещё более неопределённым. Особенно если рассматривать ее уже не столько как научный феномен, который создается письмом, а как продукт процесса чтения. Проблема в рассматриваемом случае состоит более не в том, чтобы идентифицировать сам интертекст, а в нахождении того способа, при помощи которого он может или должен интерпретироваться: в данном случае феномен интертекстуальности определяется уже через акты чтения. Что противоречит самому понятию интертекста и его свойств. Однако, мы будем использовать выделенные Женнетом виды интертекстуальных включений: связи, базирующиеся на отношении соприсутствия двух или нескольких художественных текстов, и связи, базирующиеся на отношении «производности».

Чтобы в полном объеме осознать своеобразие многоуровневых форм интертекстуальности, целесообразно будет ввести противопоставление между связями имплицитного и эксплицитного характера. Ссылка на внешний художественный текст может выделяться особым типографским шрифтом, а в семантической сфере – с помощью упоминания заголовка художественного текста или его создателя. Тем не менее, описанные связи могут существовать и при отсутствии знаков, указывающих на разнородность художественного текста; в данном случае сам читатель может их опознать и выявить интертекст. Женнет выделяет отношения соприсутствия: цитата, референция, плагиат, аллюзия; и отношения деривации: пародия, бурлескная травестия, стилизация.

Теорию Риффатера так же сложно назвать объективной. Определение феномена интертекстуальности при помощи категории процесса чтения содержит нежелатель-

ный элемент субъективизации осуществляемых читателем сопоставлений.

Итак, обобщая определение интертекстуальности, мы определили, с одной стороны, существование константного напряжения между определением «интертекстуальности как процесса и/или объекта», а с другой – как «феномена письма и/или следствия того или иного прочтения/интерпретации текста». Интертекст – общее свойство текстов, обладающее рядом функций (в частности, селективной), выражающееся в наличии связей между ними; с помощью этих связей тексты или их части могут разнообразными и многоуровневыми способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Таким образом, интертекстуальность – это продуктивность в динамике, бесконечная пермутация текстов; их взаимопроникновение и субъективное (через язык и письмо) рождение одного текста через бесконечное множество других. Интертекстуальные включения следует разделить на отношения соприсутствия (цитата, референция, плагиат, аллюзия) и отношения деривации (пародия, бурлескная травестия, стилизация).

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: СЭ, 1990. – С. 412.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. – М.: Поэтика, 1994. – С. 413.
3. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. – М.: Науч.мир, 1982. – С. 76.
4. Зенкин С.Н. Введение в литературоведение // Теория литературы. – М.: Литература, 2003. – С. 340–342.
5. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – С. 256.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
7. Кристева Ю. Революции поэтического языка // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1994. – № 5. – С. 447.
8. Пьеге-Гро Натали. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 240.
9. Словарь литературоведческих терминов на сайте Культура письменной речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramma.ru> (дата обращения: 1.06.2012).
10. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное: моногр. – М.: Гнозис, 1996. – С. 248.